

На правах рукописи

НАУМЦЕВ Иван Игоревич

**ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР
ЕВГЕНИЯ БЛАЖЕЕВСКОГО**

5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – *Тропкина Надежда Евгеньевна*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Перепелкин Михаил Анатольевич*, доктор филологических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»), профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью);

Чевтаев Аркадий Александрович, кандидат филологических наук (ФГБОУ ВО «Российский государственный гидрометеорологический университет»), доцент кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного Института «Полярная академия».

Ведущая организация – Образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет имени А.С. Грибоедова».

Защита состоится 21 мая 2026 г. в 13:00 часов на заседании диссертационного совета 33.2.007.03 в ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» по адресу: 400005, г. Волгоград, пр-кт им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vspu.ru>.

Автореферат разослан 15 апреля 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Шацкая Марина Федоровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одной из задач отечественного литературоведения на современном этапе является восполнение лакун в истории русской литературы второй половины XX века, требующее пристального внимания к творческому наследию значимых, но недостаточно изученных авторов. Особый интерес в этом плане представляет исследование целостных поэтических миров, сформировавшихся на периферии магистрального литературного процесса, но обладающих высокой художественной ценностью и уникальностью. Одно из таких явлений – творчество поэта Евгения Блажеевского.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена необходимостью исследования поэзии Евгения Ивановича Блажеевского (1947–1999) – самобытного автора, чье творчество не стало предметом литературоведческого анализа. Его поэтический мир, который сформировался в последней трети XX века, представляет собой незаурядное явление, отражающее сложный путь от позднесоветского литературного андеграунда к поиску новой художественной идентичности в постсоветский период.

Для анализа творчества Е. Блажеевского в качестве центральной категории нами было выбрано понятие «поэтический мир». Этот выбор обусловлен тем, что категория «поэтический мир» позволяет выйти за рамки традиционного тематического анализа, предлагая целостный, системный взгляд на уникальную художественную вселенную автора. Термин «поэтический мир» прочно вошёл в литературоведческий обиход во второй половине XX века, что способствовало преодолению узких рамок анализа отдельно взятых граней творчества автора. Поэтический мир трактуется как результат семантической интеграции и систематизации ключевых тематических комплексов, которые, будучи экстраполированными с уровня отдельного текста на уровень метатекста, образуют целостную и уникальную идиостилевую парадигму творчества автора. В этом аспекте значимым представляется рассмотрение понятия «поэтический мир» в соотношении с «внутренним миром художественного произведения» (Д.С. Лихачев).

Важнейшей характеристикой поэтического мира как литературоведческой категории является его инвариантность. Речь идёт о тех сквозных, устойчивых началах, которые пронизывают все тексты автора. Однако поэтический мир – это не абстрактная схема, а динамическая система, проявляющаяся через конкретные художественные явления. Ключевым здесь становится соотношение инварианта как постоянной темы и его вариаций. Следует также разграничивать уровень глубинных инвариантов и уровень их конкретно-предметного воплощения. Понятие «поэтический мир» может рассматриваться как одна из форм объективации авторского сознания наряду с иными категориями, но при этом оно представляется потенци-

ально более емким, так как охватывает всю систему в целом. А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов предлагают ряд критериев, которым должен удовлетворять набор тем, чтобы его можно было рассматривать как поэтический мир автора. Эти критерии могут служить надежным методологическим ориентиром и для исследования творчества Е. Блажеевского:

1. Темы должны быть сформулированы на высоком уровне абстракции. Если несколько частных мыслей автора сводятся к одной более общей, то именно она и должна быть признана темой. Это позволяет не утонуть в частностях и выявить действительно основополагающие константы творчества автора. В этом смысле тема имеет ряд семантических созвучий с мотивами, через которые выражается.

2. Темы не существуют изолированно; они должны образовывать единую, внутренне непротиворечивую систему, целостный «взгляд на мир».

3. Каждая тема должна иметь множество конкретных воплощений, а конкретные вариации тем должны неоднократно встречаться в разных произведениях, что подтверждает их системный, а не случайный характер.

4. Наконец, предложенная модель поэтического мира должна способствовать объяснению структуры и смысла любого конкретного текста автора.

Последний критерий видится нам не столь строгим, так как изучение внутреннего устройства поэтического мира автора, хотя и способствует более глубокому пониманию его произведений, не является единственно верным и всезаменяющим способом взаимодействия исследователя с художественными смыслами в отдельно взятом стихотворении.

В связи с этим мы считаем своей задачей исследовать поэтический мир Е. Блажеевского не только как совокупность тем, переходящую в метатемы, но и проанализировать способы и средства их художественной актуализации, а также рассмотреть литературный и биографический контекст творчества поэта.

Целостность поэтического мира Е. Блажеевского предопределяется рядом факторов, в том числе авторской установкой. В своих последних сборниках поэт обозначил последовательность расположения текстов в определенном порядке, что предопределило их художественное единство. В его пространстве действуют определенные законы, корреляционно развиваются повторяющиеся темы, контекстуально сближается семантика отдельных образов.

Произведения Е. Блажеевского создавались в период смены культурных парадигм и активного переосмысления литературных традиций.

Объект исследования — совокупность поэтических произведений Е. Блажеевского, созданных на всех этапах его творчества и изучаемых как художественная целостность.

Предмет исследования – художественное своеобразие поэтического мира Е. Блажеевского.

Материалом исследования явились:

– прижизненные публикации произведений Е. Блажеевского в журналах «Юность», «Новый мир», «Литературная учеба», «Континент»;

– прижизненные издания сборников стихов поэта – «Тетрадь» (1984), «Лицом к погоне» (1994) – и сборники стихотворений, изданные после его смерти: «Черта» (2001), «Монолог» (2005), «Письмо» (2015);

– архивные материалы: было использовано несколько оцифрованных рукописей стихотворений Е. Блажеевского, размещенных в личном архиве А.Н. Кривомазова на сайте «Литературные вечера Александра Кривомазова», а также найден текст стихотворения Е. Блажеевского в фонде Ю.С. Семёнова в РГАЛИ¹;

– материалы личных бесед с дочерью поэта с М.Е. Блажеевской, а также с Н.А. Шацкой – певицей, исполняющей романсы на стихи Е. Блажеевского.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить доминирующие особенности поэтического мира Евгения Блажеевского.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

1) раскрыть мировоззренческие основы творческого самоопределения поэта;

2) исследовать поэзию Е. Блажеевского в аспекте текстологического подхода;

3) выявить и описать систему мотивов и образов, составляющих ядро поэтического мира Е. Блажеевского;

4) проанализировать жанровый состав лирики поэта, выявить гибридные и метажанровые образования;

5) охарактеризовать концептуальное содержание поэтической образности в аспекте осмысления литературных традиций и их трансформации.

Методологическую базу настоящей работы составляют фундаментальные исследования М.Л. Гаспарова, Л.Я. Гинзбург, В.М. Жирмунского, К.Ф. Тарановского, Ю.Н. Тынянова, В.И. Тюпы, О.И. Федотова по теории лирики и стиховедению; работы М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Н.Е. Меднис, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян по проблемам художественного пространства и сверткостекста; труды М.Л. Гаспарова, Д.С. Лихачева, С.А. Рейсера, С.И. Тиминой по текстологии; работы М.М. Гиршмана, А.К. Жолковского, Б.В. Томашевского, Ю.К. Щеглова, Ю.В. Шатина, М.Н. Эпштейна по теории системного анализа поэтического текста; работы С.Ю. Артемовой, У.Ю. Вериной, Е.Е. Завьяловой, Н.Л. Лейдермана, О.В. Мирошниковой, А.В. Останковича, Ю.В. Стенника, В.И. Тюпы по

¹ Именной фонд Е. Блажеевского в РГАЛИ на данный момент находится в процессе обработки и закрыт для использования.

проблемам лирических жанров; исследования Н.А. Богомолова, В.А. Зайцева, П.А. Ковалева, А.В. Кулагина, В.Г. Кулакова, М.А. Перепелкина, С.Б. Рассадина, А.Э. Скворцова, С.И. Чуприна по русской поэзии второй половины XX века.

Методы исследования обусловлены особенностями научных целей и задач, поставленных в диссертации: это метод историко-литературного анализа, который дает возможность выявить художественную специфику творчества Е. Блажеевского в контексте русской поэзии последней трети XX века; биографический, сравнительно-сопоставительный, герменевтический, структурно-семиотический, рецептивный методы, а также методы текстологического и мотивного анализа.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые творчество Е. Блажеевского становится предметом литературоведческого анализа. Кроме того, в научный оборот вводится целый ряд материалов, связанных с биографией и творческим наследием автора.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении представлений о поэтической когезии, выраженной в синтезе разнонаправленных художественных интенций: акмеистической предметности, лирической медитативности, социальной заострённости неконформизма, эстетики постмодернизма. Теоретическая значимость исследования определяется также тем, что дальнейшее развитие получает представление о художественном мире поэта как целостности.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов и выводов диссертации при чтении вузовских лекций и проведении семинарских занятий по истории русской литературы, а также в эдиционной практике при подготовке научных изданий произведений Е. Блажеевского.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. «Особая судьба» Е. Блажеевского, чьё творчество представляет собой значительное явление русской поэзии последней трети XX века, во многом обусловлена уникальностью авторской позиции, ориентированной на принцип «автономного существования» в литературном процессе. Философско-мировоззренческая основа его поэтического мира, значительной частью которой является синкретическая религиозность, сплавливающая христианские мотивы с верой в реинкарнацию в единое целое. Это формирует особую модель взаимоотношений со смертью и вечностью.

2. Текстологический анализ демонстрирует целенаправленную эволюцию авторского сознания от личностной рефлексии к историософскому обобщению. Этот процесс реализуется в ходе изменения текстов стихотворений поэта и в архитектонике его поэтических сборников.

3. Структурообразующим элементом поэтического мира Е. Блажеевского является совокупность пространственных образов. Художественное пространство лирики Е. Блажеевского представляет собой целостную динамичную систему, в которой урбанистический топос коррелирует с природным. Через взаимодействие и противопоставление ключевых топосов – онейрического, акватического, пространства неба и сада, пространства города – поэт выстраивает уникальную модель мира. В центре ее находится рефлекслирующее авторское «Я», которое балансирует на грани между отчаянием городского бытия и пугающей свободой природных просторов.

4. Традиционные лирические жанры (элегия, послание, венок сонетов и др.) подверглись в творчестве Е. Блажеевского существенной концептуально-содержательной и формальной трансформации. Так, элегия у поэта, сохраняя свою содержательную основу, усложняется за счет усиления исповедального начала и конкретизации личного опыта, где индивидуальное горе становится событием ментального единения автора и читателя по модели «перформативного высказывания», что позволяет жанру выйти за пределы отвлеченной медитации. Послание трансформируется в лирический монолог с риторическими вопросами и имплицитным адресатом, где формальные признаки письма служат лишь рамкой для глубокой авторской рефлексии. Таким образом, трансформация жанров у Е. Блажеевского заключается не в разрушении формы, а в её семантическом обогащении.

5. Автор наследует традиции классической литературы, преобразая их не столько в свойственной для своего времени постмодернистской манере, сколько в русле своего лирического «Я».

Достоверность результатов исследования обеспечивается репрезентативностью проанализированного материала, адекватностью примененных методов поставленным целям и задачам, а также опорой на значительную теоретико-методологическую базу. Основные выводы отражены в публикациях автора в Москве, Волгограде, Вологде, Ростове-на-Дону, Воронеже.

Апробация исследования. Работа обсуждалась на заседаниях кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на Десятой Международной научной конференции «Восток-Запад: антропологическое пространство в литературе и фольклоре» (Волгоград, 2023); Международной научно-практической конференции «Искусство слова в диалоге культур: новое коммуникационное измерение» (Брест, 2024); Научном семинаре Южного научного центра РАН «До и после Чехова: вопросы тра-

диции» (Ростов-на-Дону, 2024); Межвузовской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Небо, звезды и воздушный океан в художественной литературе и языковой картине мира» (Москва, 2024); Международной научной конференции «Русская литература в России и в мире – 3», посвященной 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина (Улан-Удэ, 2024); Республиканском научно-методическом семинаре с международным участием «Пути совершенствования современного филологического образования в учреждении высшего образования и школе» (Брест, 2024); VI Международной научно-практической конференции «Русская литература в полилингвальном мире: вопросы аксиологии, поэтики и методики» (Москва, 2025); Научном семинаре Южного научного центра РАН «Пространственные метаобразы литературы юга России: река» (Ростов-на-Дону, 2025); X Межвузовской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Горы и ландшафт Земли в художественной картине мира» (Москва, 2025); Международной научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, 2025); Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения литературы и фольклора в аспекте соотношения “ума” и “сердца”» (Волгоград, 2025). По теме диссертации опубликовано 11 научных статей (общий объем 6,35 п. л.), из них 6 – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Структура работы подчинена логике решения поставленных задач. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и восьми приложений, представляющих собой сканы автографов Е. Блажеевского из личного архива А.Н. Кривомазова. Общий объем работы составляет 244 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертации, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, охарактеризованы его теоретико-методологическая база и научная новизна, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлены сведения об апробации результатов работы, определена ее теоретическая и практическая значимость.

В **первой главе «Творчество Е. Блажеевского в русской поэзии последней трети XX века: проблема самоопределения, мировоззрения, текстологического статуса»** исследуется генезис и идейные основы поэтического мира автора в широком историко-литературном контексте с использованием обнаруженных рукописных материалов.

В *параграфе 1.1* «Поэт особой судьбы: место Е. Блажеевского в отечественной поэзии» доказывается, что творческая индивидуальность автора сформировалась на периферии литературного процесса 1970–1980-х годов. На основе свидетельств современников – Е. Евтушенко, Ю. Кублановского, Е. Бершина и других – реконструируется круг его общения, исследуется характер участия в мероприятиях литературного андеграунда («квартирниках»). Анализ поэтики автора позволяет говорить об уникальном синтезе двух традиций. От акмеизма с его культом «прекрасной ясности» и культурной памяти Е. Блажеевский наследует «вещность», предметность, внимание к художественной детали как носителю концентрированного смысла. В стихотворении «Московское воспоминание» (1991) картина юности строится из череды осязаемых примет: «Вели в пристройку стёртые ступени, / И старую обшарпанную дверь... / Кипели щи. На кухне сохла байка...»². От «тихой лирики» (Н. Рубцов, А. Жигулин и в большей степени В. Соколов) поэт наследует исповедальную тональность, экзистенциальную глубину и магистральные темы одиночества, ностальгии, созерцательного отношения к миру. Его персонажи – «горсточка потерянных людей», существующая «на косой кромке бытия» (стихотворение «1972 год»)³. Именно в этом органичном сплаве, а не в прямом следовании эстетике какого-либо одного направления, и заключается ключевая особенность поэтики Е. Блажеевского. Следуя определению С.Б. Рассадина, мы трактуем статус «семидесятника» не как поколенческую характеристику, а как установку на внутреннюю свободу и «автономное существование», знак принципиального «несовпадения» с любыми готовыми литературными иерархиями.

В *параграфе 1.2* «Феномен веры в поэзии Е. Блажеевского» исследуются мировоззренческие основы лирики поэта, демонстрирующие сложный, синкретический характер его религиозного сознания. Анализ стихотворений «1972 год», «Маме», «Постскриптум», «Сжимается шагренёв страны...» и ряда других позволяет прийти к выводу, что в художественном мире Е. Блажеевского христианские ценности сосуществуют с устойчивой верой в реинкарнацию души. В стихотворном триптихе «Маме» (1987–1993) он пишет о смерти и перерождении так:

*И в тебе поселяется он –
Твой последний посредник в юдоли...
Что ему суета похорон
И сквозное январское поле!..*

² Блажеевский, Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. С. 12.

³ Там же. С. 20.

*Он... снежинкой уйдет в пустоту,
Не заботясь о брошенном теле,
И заменят портрет в паспорту
На картинку «Грачи прилетели».
Он... вернется в обличье ином,
Что ему погребальная яма
И забрызганный красным вином
Рубаи из Омара Хайяма?!*

<...>

*...Долетит извещенье от мамы,
Что не только она, но и я,
Забывая ненужное знанье,
Обрету в темноте бытия,
Как бессмертье, другое сознание...⁴*

В «Постскриптуме» (1989) эта идея выражена прямо: «И вертится безумная рулетка, / И ставки душ повышены...» и «Но все же я хочу родиться вновь...»⁵ Подобный синкретизм порождает особое отношение к смерти как таковой: она лишается абсолютного трагизма, воспринимается как «сон между жизнями», обновление, но при этом вызывает глубокую экзистенциальную тоску от разлуки с близкими и неопределенности будущих воплощений.

В параграфе 1.3 «Творчество Е. Блажеевского в зеркале текстологии» на основе сопоставления рукописей из личного архива А.Н. Кривомазова с окончательными редакциями текстов производится реконструкция творческой истории произведений поэта. Анализ демонстрирует смысловые трансформации, отражающие изменение авторского сознания. Так, в стихотворении «Дается с опозданием часто...» примечательны замены текста в третьем катрене. В редакции 1977 года:

*Дается с опозданием горьким
Сознание, что ты погиб
И в пьяной беспощадной гонке,
Трубя себе, кричал: Гун!..Гун!..⁶*

⁴ Блажеевский, Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. С. 178–180.

⁵ Там же. С. 237.

⁶ Кривомазов А.Н. Литературные вечера Александра Кривомазова. URL: <https://isiman.wixsite.com/krivomazov> (дата обращения: 25.10.2025).

В редакции 1986 года:

*Дается с опозданием горьким
Сознание, что сказать не смог
О тех, что горевали в Горьком,
В Мордовии мотали срок⁷.*

Эта замена маркирует переход от рефлексии личного экзистенциального падения к гражданской ответственности и памяти о жертвах режима. Есть основания предполагать, что стихотворение Е. Блажеевского было переработано в том числе в связи с происходившими событиями. Другой показательный пример – две редакции стихотворения «Когда-нибудь настанет крайний срок...» (1982 и 1997), особым образом инкорпорированные в последний составленный автором сборник «Черта» (2001). Ранняя редакция выдержана в камерной, личностной тональности. Доминирующий мотив «исчезновения» касается сугубо индивидуального экзистенциального опыта: «впечатленья эти», «голосок» матери, «пес, который был на сахар падкий», «любовь возлюбленной». Финал стихотворения – «Но не жалею о своем пути. / Он был, а значит – не было иного»⁸ – носит фаталистический характер, утверждая необратимость выбора через факт его свершения. Эта версия отражает поэтику, близкую к традициям «тихой лирики», с её сосредоточенностью на частной жизни человека в его противостоянии с безликим «грозным голосом столетья».

Редакция 1997 года представляет собой масштабное переосмысление, в котором лирическое «Я» становится «точкой сборки» целого историко-культурного пласта. Личный опыт не редуцируется, но встраивается в широкий исторический и метафизический контекст. Круг «исчезающего» расширяется до категорий почти вселенского масштаба: «Уйдет Москва – кирпичный старожил, / В котором был я инородным телом», «Уйдут Россия и прямая речь / И вечная неутоленность жажды»⁹. Кроме того, во второй редакции в текст вводится мощный социально-критический пафос, отсутствовавший в ранней версии: «Исчезнет бесконечный произвол / Временщиков, живущих власти ради, / Который породил, помимо зол, / Тоску по человечности и правде»¹⁰. Кульминацией этой трансформации становится смена финальной идеи-катарсиса. Вместо фаталистического «не было

⁷ Блажеевский Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. – М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. С. 63.

⁸ Блажеевский Е.И. Черта: Книга стихотворений. – М.: Московский рабочий, 2001. С. 234.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 5.

иного» возникает телеологическое утверждение: «Но не жалею о своем пути. / Он, очевидно, был угоден Богу». Эта замена знаменует собой переход к религиозно-метафизическому оправданию жизненного пути, что маркирует глубокую эволюцию художественно-авторского сознания от гуманистического самоутверждения к следованию божественному промыслу. Однако порядок встраивания редакций стихотворений в архитекtonику сборника, обратный порядку их написания, превращает книгу в модель творческой биографии и подтверждает осознанное выстраивание авторского мифа.

Во второй главе «Система пространственных мотивов и образов в поэзии Е. Блажеевского» исследуется топонимическая организация его лирики как каркаса поэтического мира.

В параграфе 2.1 «Урбанистическое и природное пространство в поэзии Е. Блажеевского» раскрывается ключевая для поэта дихотомия города и природы. Московский текст Е. Блажеевского амбивалентен: город – это и чуждая, давящая среда («Мне холодно в шумной толкучке <...> / О, бесы, что рыщут в продутой / И полубездомной Москве!..»¹¹), и пространство ночного уединенного отдыха, где рождается «радость созерцанья»¹². Частотные топосы становятся носителями особой семантики, устойчивой в творчестве автора: вокзал – расставание, дорога – рефлексия, квартира – «клетка», мост – лиминальный образ, связывающий пространство города и природы. Природное пространство также неоднородно. Поле и степь в лирике поэта – символы не воли, а бесприютности и экзистенциальной потерянности. В стихотворении «Лишь ветер да поле» (1978) рефрен создает ощущение замкнутого круга, из которого невозможно вырваться:

*Беспечно на вещи гляди,
Забыв про наличие боли.
– Эй, что там у нас впереди?..
– Лишь ветер да поле.*

*Скитанья отпущены нам
Судьбой равнодушной, не боле.
– Эй, что там по сторонам?..
– Лишь ветер да поле.*

*И прошлое, как за стеной,
Но память гуляет по воле.*

¹¹ Блажеевский, Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. – М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. С. 31.

¹² Там же. С. 417.

– Эй, что там у нас за спиной?..
– Лишь ветер да поле¹³.

Образ ветра, неизменный спутник степного пространства, актуализирует мотивы холода, пустоты и неумолимого хода времени. Образ моря дублирует семантику необъятности, но часто предстает как более динамичная и равнодушная к человеку стихия, воплощающая в паре с ветром недостижимую абсолютную свободу: «Но не могу – как ветер или море...».¹⁴

В **параграфе 2.2** «Пространство сада в поэзии Е. Блажеевского» сад анализируется как важнейший пограничный хронотоп «третьей природы», где культурное начало сосуществует и борется с природным. В стихотворении-манифесте «Мы – горсточка потерянных людей...» (1976) сад – это сознательно избранное убежище, «задворки», где герои, уподобляясь насекомым, обретают «нищую свободу» от «чужого режима»:

*Как хорошо, уставясь в пустоту,
Лежать в траве среди металлолома
И понимать простую красоту
За гранью боли, за чертой надлома.*

*Как здорово, друзья, что мы живём
И затерялись на задворках сада!..
Ты стань жуком, я стану муравьём
И лучшей доли, кажется, не надо¹⁵.*

Кроме того, сад неразрывно связан в поэзии Е. Блажеевского с памятью о детстве, символизируя при этом традиционный образ утраченного рая: «И поглядим назад, / Где был когда-то сад... / Где нам семнадцать лет, / Где нас в помине нет...»¹⁶. Соседство сада с образами вокзала и пустыря актуализирует мотив прощания, хрупкости этого убежища перед лицом внешнего хаоса взрослого мира.

В **параграфе 2.3** «Небесные мотивы и образы в лирике Е. Блажеевского» исследуется вертикальная ось поэтического мира художника. Выделяются три уровня:

1. Локальное небо: над городом оно «густое» и «наполненное», над полем – «пустое», «безоблачное», давящее своей непреодолимостью.

¹³ Блажеевский, Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. – М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. С. 38.

¹⁴ Там же. С. 85

¹⁵ Там же. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 305.

2. Небо России противопоставляется «чужой земле» в рамках метафорической бинарной оппозиции жизнь / смерть («Поколение это другого не знало исхода: / Голос – в русское небо, а тело – в заморский песок»¹⁷).

3. Небо как космос: оно вызывает не романтический восторг, а первобытный страх перед вселенской бездной. В стихотворении «Зимняя ночь» (1972) звезды – это «лишь толпа, / Которая глядит, как мы летим / Вниз головой на тяжелом шаре»¹⁸.

Как правило, на последнем уровне небесного пространства в контексте танатологических мотивов выстраивается цепочка метаморфоз души: душа сливается с облаком, а луна становится пристанищем душ:

*Меловое безумие света в моём окне
И сияние нимба торжественное, как на иконах...
Говорят, что души умерших лежат на луне
(если верить Ванге, то в продолговатых флаконах)*¹⁹.

Наконец, звезда – конечное, «вечное» воплощение души, именно поэтому звезды – толпа. Кроме того, особое внимание уделяется орнитологической символике: образ птицы (чаще – врановых: ворона, грача) служит медиатором между мирами, воплощает душу («птица жизни») или предвещает смерть, обладая при этом амбивалентностью.

Параграф 2.3 «Онейрическое пространство в поэзии Е. Блажеевского» посвящён анализу поэтики сновидений и пограничных состояний сознания в творчестве автора как особой формы репрезентации внутреннего мира лирического «Я». На материале стихотворения «Сон» (1983) показано, как абсурдные и сюрреалистические образы (обезьяна за рулем грузовика, черная вода, ледяной ветер) служат для усиления эмоционального фона: передачи безысходности и чувства тотального бессилия. Подчеркивается, что Е. Блажеевский выступает не столько творцом, сколько «летописцем» сна, стремясь сохранить его спонтанную, не поддающуюся контролю природу.

Особое внимание уделяется мотиву бессонницы. В стихотворении «Профиль стула, напоминающий букву “h”...» (1990) пограничное состояние между сном и бодрствованием становится источником философской рефлексии, где через ассоциативный ряд бытовых образов герой приходит к экзистенциальным обобщениям.

В качестве контрастного мотива рассматривается добровольное ночное бодрствование. В стихотворениях «Собака... Соловей... Невольный стон...»

¹⁷ Блажеевский, Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. – М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. С. 36.

¹⁸ Там же. С. 262.

¹⁹ Там же. С. 192.

(1982) и «Ночные стихи» (1978) преобладает аудиальная перцепция: герой вслушивается в ночную жизнь города, а ночь предстает как время интимного единения с миром, источник вдохновения и положительных эмоций. Анализ стихотворения «На даче» (1983) показывает, как пробуждение от кошмара строится на принципе отзеркаливания: внешний мир за окном отражает эмоциональное состояние мечущейся души.

Онейросфера становится неотъемлемой частью художественного мира поэта, наиболее глубоко раскрывающей рефлексию лирического «Я», балансирующего на грани бытия и небытия.

В третьей главе «Жанровое своеобразие поэзии Е. Блажеевского» анализируется трансформация классических жанров в его творчестве.

В *параграфе 3.1 «Традиционные жанры лирической поэзии и их трансформация в творчестве Е. Блажеевского»* доказывается, что поэт активно и продуктивно обращается к элегии и посланию. Элегическая тональность, пронизанная мотивами ностальгии, скоротечности времени, памяти и экзистенциальной грусти, становится доминирующей в его лирике. В творчестве автора объектом элегической рефлексии становится само время и «невозвратность» бытия как такового. В стихотворении «Октябрь» (1975) мотивы увядания природы раскрываются через психологический параллелизм:

*Когда идёт вдоль сумрачных полей
Согбенною цепочкой велокресса
В затылок перелёту журавлей,
Затылком к ветру — тонкая берёза,
Когда гнетёт какой-то грустный долг
И перед прошлым чувствуешь вину,
Когда проходит день, как будто полк,
Без музыки идущий на войну,
Когда вокруг пугает пустота
И кажется, что время убывает,
Когда в пространстве правит простота,
С которой холод листья убивает,
Когда в моём заплаканном краю
Весёлый мир освистан и повергнут,
В такие дни я потихоньку пью
Остывший чай и горьковатый вермут²⁰.*

Тоска по прошлому лишена конкретной причины, превращаясь в сложное метафизическое переживание. «Пустота» и даже «простота» простран-

²⁰ Блажеевский, Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. — М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. С. 150.

ства становятся индивидуально-авторскими антонимами «жизни», то есть «заполненности» окружающего мира. При этом негативные эмоции чаще всего связаны с попытками, в том числе неосознанными, найти себя в контексте постоянно движущегося времени: лирического героя тяготит вина за прошлое, пустота в настоящем и обречённость будущего. Пространственные образы природы лишь усиливают раскрытие чувств лирического героя.

Трансформация послания у Е. Блажеевского носит не менее значимый характер. Адресаты его стихов, будучи реальными людьми (А. Васильев, И. Сурин, Г.В. Чепеленко и т. д.), чаще всего являются не столько собеседниками, сколько поводом для монологического высказывания, кристаллизации авторской мысли. Так, в стихотворении «Мы – горсточка потерянных людей...», формально обращённом к другу, диалог мгновенно перерастает в коллективный манифест маргинального сообщества. Адресат здесь растворён в общем «мы», а само послание становится актом самоопределения и консолидации «своих» против «чужого режима». В более поздних посланиях диалогичность окончательно сменяется медитативной ретроспекцией, где фигура «собеседника» служит точкой входа в пространство памяти и ностальгии. Жанр послания становится инструментом для художественного осмысления связи и разрыва, общего прошлого и настоящего одиночества.

Особое внимание уделяется проблеме соотношения лирического героя и лирического «Я» как ключевому фактору, определяющему жанровое своеобразие творчества автора. Для большей части стихотворений Е. Блажеевского характерен уход от конструирования условного лирического героя как устойчивой маски или ролевой позиции. Вместо этого доминирует неопосредованное лирическое «Я», которое функционирует как перцептивный и рефлексивный центр, непосредственно транслирующий поток сознания, эмоций и воспоминаний. Это «Я» не «проживает» сюжеты, а запечатлевает моменты – мимолётные впечатления, вспышки памяти, волны тоски или редкие просветы покоя. Так, в стихотворении «1972 год» именно лирическое «Я» становится свидетелем и соучастником чужого падения, мгновенно осознавая свою причастность к происходящему вокруг:

*Я в это время окаянное,
Средь горя и макулатуры,
Не спал. В окне галдели пьяные,
Тянуло гарью из Шатуры.*

*И я, любивший разглагольствовать
И ставить многое на вид,
Тогда почувствовал, о Господи,
Что эта грязь во мне болит,*

*Что я, чужою раной раненный,
Не обвинитель, не судья –
Страданий страшные окраины,
Косая кромка бытия...²¹*

Очевидное сближение с личностно-авторским восприятием действительности создает особое ощущение исповедальности лирики Е. Блажеевского, а появляющееся в стихотворении «Я» прочитывается как его собственное, максимально приближенное к биографическому и психологическому опыту поэта.

В параграфе 3.2 «Архитектоника венка сонетов “Осенняя дорога”» осуществляется комплексный анализ этого сверхжанрового образования. Доказывается, что венок сонетов представляет собой не просто формальное упражнение, а смысловой и композиционный центр поэтического мира Е. Блажеевского. Это художественно оформленный дневник, где физическое путешествие в Загорск становится развернутой метафорой жизненного пути, рефлексии о творчестве, семейном долге, утраченной свободе и бремени бытия. Анализируется сложная система сквозных мотивов, раскрытых через метафорическое взаимодействие с особой образностью: дорога (судьба), ветер (время), река («заточенная в трубу» – утраченная свобода), кровь («железное кровоснабжение» семьи – жертва индивидуальности, права выбора). Строгая форма венка сонетов контрастирует с исповедальной, почти прозаической интонацией, создавая атмосферу сдержанного трагизма. Философская глубина и личная боль находят здесь идеальное структурное воплощение, восходящее к истокам жанрового канона классических венков сонетов.

В четвертой главе «Литературные традиции в творчестве Е. Блажеевского» исследуется характер диалога поэта с классическим наследием отечественной литературы.

В параграфе 4.1 «“Пушкинский текст” в стихотворении “Михайловское”» показывается, что обращение к пушкинскому мифу осуществляется через личное переживание о судьбе реального поэта-классика. Произведение строится как конструирование эпизода из жизни А.С. Пушкина, предшествовавшего написанию трагедии «Борис Годунов». Ссылка в Михайловское становится фоном для описания сложных эмоций героя, который сублимирует их с помощью творчества. Биографически очерченный образ А.С. Пушкина актуализирует мотив поэта и толпы в ракурсе исто-

²¹ Блажеевский, Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. – М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. С. 16.

рического осмысления жизни поэта потомками. Образ поэта «Золотого века» русской литературы воспринимается Е. Блажеевским в преломлении модернистского подхода, когда Пушкин-человек и Пушкин-поэт воспринимаются через призму формулы «мой Пушкин».

В *параграфе 4.2 «Проблема “маленького человека” в творчестве Е. Блажеевского»* выявляется трансформация традиций классической русской литературы. В центре сюжета цикла «Из армейской тетради» рассказ о «больших и маленьких» людях, которые по-разному переживают схожие обстоятельства судьбы. В стихотворении «Петр Соловеевич Сорока» (1975) герой подвергается армейскому «воспитанию»: посмотрев фильм «Джейн Эйр», сержант, используя своего подчинённого, решает повторить сцену из начала картины, когда девочку заставляют стоять перед всеми на табуретке. Петя Сорока, напуганный и униженный, не способен ни противостоять этому, ни даже сказать что-то в свою защиту — он «С глазами голубыми идиота / На табурете замер / И стоит».²² Явное сочувствие автора к Пете позволяет прочесть между строк: на его месте мог быть любой другой неисклечительный герой в обыденных (и оттого еще более ужасных) обстоятельствах, совершенно не похожий на Джейн Эйр. Автор называет Петю «провинившимся солдатиком», передавая через диминутив ничтожность положения, в котором человек загнан в рамки иерархии, где сержант, будучи немного выше по рангу (неслучайно в начале стихотворения он сидит, смотрит и думает «Так же, как и все»), наслаждается страданиями ближнего. Он, не являясь представителем даже младшего офицерского состава, вероятно, сам подвергался подобным унижениям, поэтому, будучи облеченным минимальной властью, издевается над своими подчиненными. Мотив такой «вахты» создает ощущения нелепости и трагикомизма. Петя Сорока словно приговорен к абсурдной казни на табуретке, который становится в этом контексте символом позора и безысходности. Подчеркнутая «детскость» наказания взрослого человека, бессмысленность этого действия усиливают трагизм происходящего: унижение здесь лишено даже видимости необходимости. Автор с детальной, почти клинической точностью описывает ситуацию, находя в ней отражение общего абсурда и тоски бытия.

Иной вариант разрешения подобной коллизии Е. Блажеевский описывает в стихотворении 1976 года «Шмелев». Здесь главный герой, поставленный автором в схожие обстоятельства, выбирает иной путь — не смиряться с унижениями, поэтому безуспешно пытается сбежать, а после поимки совершает самоубийство. Перевоплощение из невольника судьбы в свободного беглеца раскрывается через антонимичный ряд эпитетов:

²² Блажеевский, Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. — М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. С. 95.

ческая связь лирического наследия поэта-«семидесятника» с творчеством писателя-классика.

Это явно прослеживается в рамках сопоставления «Дамы с собачкой» А.П. Чехова с одноимённым стихотворением Е. Блажеевского. Так, в строки «Белёное море хлопчет у ног, / Пустыня воды и песка...» поэт вмещает сложную череду эмоций и мыслей. В тесноту стихового ряда (Ю.Н. Тынянов) поэт вслед за А.П. Чеховым включил в простую историю о курортном романе размышления о вечности. Если у прозаика это становится развёрнутым описанием встречи двух влюблённых, то поэт лишь намекает на это читателю через короткие фразы, вторящие чеховскому тексту с небольшими различиями. В рассказе: «Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет»²⁵. В стихотворении же Е. Блажеевский пишет лаконичное «Ленивый прилив замыкает следы», между строк замечая, что после их отъезда вечное море так же забудет об их существовании, как забывало о существовании многих других.

В *параграфе 4.4 «"Пчелиный" текст в творчестве Е. Блажеевского: поэтические традиции О. Мандельштама»* прослеживается глубокое усвоение поэтом XX века классических акмеистических традиций начала столетия. Анализируются интертекстуальные переклички на уровне поэтики «пчелиного» текста. Особое внимание уделяется мотиву пчел, важному для О. Мандельштама как символ творческого труда, памяти культуры и связи времен. В этом же контексте актуализируется образ осы, становясь у Е. Блажеевского элементом сложносконструированной поэтической игры, в рамках которой поэт художественно осмысляет исторические события второй половины XX века. Прямой поэтический диалог с О. Мандельштамом не только неизбежен, но и является выражением художественной интенции Е. Блажеевского, завершившего стихотворение «Осы» катреном:

*Поэт знаменитый Осип
Ваш звёздный маршрут прочёл.
О, эти худые осы –
Раскольники среди пчёл!...²⁶*

Наиболее значимым в «пчелином» контексте является стихотворение «Возьми на радость из моих ладоней...» О. Мандельштама. В нём образ

²⁵ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1986. Т. 10. С. 132.

²⁶ Блажеевский, Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. – М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. С. 31.

пчелы-поцелуя тесно связан с мотивом несчастной любви. Однако появление у Е. Блажеевского ос вместо пчёл как бы «огрубляет» традиционную символику. Осы не умирают, когда жалят, что, безусловно, редуцирует в этом контексте мотив жертвенной любви. Множественное число, а также «полёт на ринг», где розы и окончат свою «жизнь», позволяют говорить о любви неглубокой, проходящей, которую фанаты ощущают по отношению к кумиру, читатели – по отношению к поэту.

В этом контексте примечательно стихотворение О. Мандельштама «Сёстры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы», с которым также перекликаются «Осы» Е. Блажеевского. Если у О. Мандельштама «Медуницы и осы тяжёлую розу сосут», то у поэта-«семидесятника» они уподобляются розам, а глагол «сосут» применяется к ночному воздуху. Неудивительно, что строки «Как насосы, / Воздух ночной сосут»²⁷ созвучны мандельштамовской формуле: «Словно тёмную воду, я пью помутившийся воздух». При подобном сопоставлении становится очевидна близость образов осы и поэта. Однако эта же связь прослеживается с антонимичными осам пчёлами, к которым таким же образом может быть применено сравнение с розами, летящими на ринг, то есть любовью мимолётной, проходящей. Подобное дихотомическое сочетание как бы вторит словам О. Мандельштама: «Сестры тяжесть и нежность...» и «Розы тяжесть и нежность...».

Через поэтический диалог с О. Мандельштамом актуализируются политический и любовный мотивы, а также мотив поэта-пророка. Е. Блажеевский переосмысляет традиционную символику «пчелиных» («осиных») образов, расширяя семантико-коннотативное поле образа «осы». Этот пример демонстрирует высокую степень влияния творчества поэта-акмеиста на лирику поэта-«семидесятника».

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, суммируются доказательства выдвинутых положений, подтверждающие целостность и уникальность поэтического мира Евгения Блажеевского. Намечаются перспективы дальнейшего изучения его наследия, в том числе более полное текстологическое исследование на основе именного архива Е. Блажеевского в РГАЛИ.

²⁷ Блажеевский, Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. – М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. С. 265.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

1. Наумцев, И.И. Образ А.С. Пушкина в стихотворении Е. Блажеевского «Михайловское» / И.И. Наумцев // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2025. – № 1 (36). – С. 58–60 (0,6 п. л.).
2. Наумцев, И.И. Особенности онейрического пространства в творчестве Е. Блажеевского / И.И. Наумцев // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2025. – № 1 (56). – С. 71–79. – DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.009 (0,8 п. л.).
3. Наумцев, И.И. А.П. Чехов в художественной рецепции Евгения Блажеевского / И.И. Наумцев // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2025. – Т. 29, № 1. – С. 32–39. – DOI 10.18522/1995-0640-2025-1-32-39 (0,6 п. л.).
4. Наумцев, И.И. «Пчелиный» текст в творчестве Е. Блажеевского / И.И. Наумцев // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2025. – № 3 (58). – С. 126–132. – DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.016 (0,6 п. л.).
5. Наумцев, И.И. «Московский текст» в творчестве Е. Блажеевского» / И.И. Наумцев // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2025. – № 11. – С. 143–154. – DOI 10.28995/2686-7249-2025-11-143-154 (0,6 п. л.).
6. Наумцев, И.И. «Большие» и «маленькие» люди в поэтическом цикле Е. Блажеевского «Из армейской тетради» / И.И. Наумцев // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2026. – № 1 (40). – С. 50–53 (0,6 п. л.).

Статьи в сборниках трудов и материалов научных конференций и других научных изданиях:

7. Наумцев, И.И. Феномен веры в поэзии Е.И. Блажеевского: трансформация религиозных образов и мотивов / И.И. Наумцев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2024. – № 6 (189). – С. 141–145 (0,35 п. л.).
8. Наумцев, И.И. Образная дихотомия «поле» и «вечер» в поэзии Е. Блажеевского / И.И. Наумцев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2023. – № 3 (03). – С. 94–97 (0,5 п. л.).

9. Наумцев, И.И. Чеховские мотивы и образы в лирике Е.И. Блажеевского / И.И. Наумцев // Грани познания. – 2023. – № 3 (86). – С. 80–85 (0,5 п. л.).

10. Наумцев, И.И. Особенности небесного пространства в поэзии Е. Блажеевского / И.И. Наумцев // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. – 2025. – № 1 (9). – С. 76–81 (0,7 п. л.).

11. Наумцев, И.И. Акватические образы в поэзии Е. Блажеевского / И.И. Наумцев // Поволжский вестник науки. – 2025. – № 3 (37). – С. 77–80 (0,5 п. л.).

НАУМЦЕВ Иван Игоревич

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР
ЕВГЕНИЯ БЛАЖЕЕВСКОГО

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 18.03.26. Формат 60х84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27